

УДК 316.42+140.8

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ОППОЗИЦИИ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ: РЕЦЕНЗИЯ-РЕПЛИКА НА РАЗДЕЛ КНИГИ А. С. ЗАПЕСОЦКОГО «СТАНОВЛЕНИЕ ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ И КОНФЛИКТЫ ЦИВИЛИЗАЦИЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ)»

**ВОЛКОВ
ЮРИЙ
КОНСТАНТИНОВИЧ**

*доктор философских наук,
профессор,
Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н. И.
Лобачевского, Арзамасский филиал, факультет
экономики и права, кафедра права, философии и
социальных дисциплин,
Арзамас, Российская Федерация,
yu.k.volkov@yandex.ru*

Ключевые слова:

рецензия-реплика
мировоззренческие оппозиции
антиметафизическая методология
проекты человека
диалог науки и религии
природа смысла
русская идея

Аннотация:

В жанре реплики рецензируется заключительный раздел монографии А. С. Запесоцкого «Становление глобальной культуры и конфликты цивилизаций (по материалам международных Лихачевских научных чтений)». Основной целью представленного отзыва является анализ противоположных по своей идейной направленности философско-мировоззренческих позиций участников Чтений в их сравнении с общей концепцией и методологией монографии. При этом все критически анализируемые идейные установки авторов докладов рассматриваются с точки зрения их соответствия антиметафизической методологии построения книги, ставящей перед гуманитариями задачу поиска общего в мировоззренческих оппозициях. Высказано предположение, что в рецензируемой книге используются два варианта диалектического метода – «сократовский», направленный на поиск изначально неизвестной сути реальных противоречий, и «гегелевский», призванный логическим путем синтезировать выбранный итоговый результат. Показано, что наиболее рельефно вторая разновидность диалектики представлена в подразделе 7.3. «Смыслообразующие доминанты русской цивилизации», где рассмотрены некоторые основные мировоззренческие ориентации глобализирующейся национальной культуры. В их числе противопоставление двух мировоззренческих проектов человека: классического и неоязыческого, идея диалога науки и религии, экзистенциальное и культурологическое понимания природы смысла.

Отмечено, что представленные в книге мировоззренческие ориентиры русской идеи, которые могут выступать в качестве строительного материала для государственной идеологии, прежде всего, учитывают ее национальную специфику. В этой связи в книге указаны общие принципы национальной и одновременно глобальной этики будущего, рельефнее всего сформулированные в творчестве Ф.М. Достоевского. Общий вывод реплики: в сочетаниях разных мировоззренческих и стилистических позиций, но при обязательном сохранении идейной направленности общего замысла проекта состоит одна из отличительных особенностей рецензируемого раздела книги, сумевшего передать особый творческий мир Лихачевских научных чтений.

© 2019 Петрозаводский государственный университет

Получена: 01 ноября 2019 года

Опубликована: 03 декабря 2019 года

Монография члена-корреспондента РАН А. С. Запесоцкого «Становление глобальной культуры и конфликты цивилизаций» [4] вышла в конце 2018 года. Однако, поскольку главным и основным источником работы послужили материалы Международных Лихачевских научных чтений, большая часть откликов на книгу должна была появиться после ее презентации, состоявшейся в мае 2019 года во время проведения очередного форума. В их числе представленный вариант рецензии, написанной в жанре промежуточной ответной реплики [6: 165], и посвященной одному из заключительных разделов работы. Хотя частично затрагивающей общее содержание и методологию всей монографии.

Наряду с такими типичными для монографических исследований достоинствами, как актуальность, научная новизна, концептуальная целостность, аргументированность, критичность, новая книга А. С. Запесоцкого даже с позиции работ высокого исследовательского ранга обладает беспрецедентным объемом и содержанием источниковой базы. Монография А. С. Запесоцкого представляет собой первый и пока единственный опыт анализа материалов Международных Лихачевских научных чтений, которые на протяжении второго десятилетия проводятся в Санкт-Петербургском гуманитарном университете профсоюзов. Как отмечается во введении монографии, «книга является первой попыткой целостного осмысления около четырех тысяч докладов Международных Лихачевских научных чтений и не претендует на завершенность и полноту решения данной задачи» [4: 9].

Разумеется, диалог, который автор на протяжении всей книги постоянно ведет с докладчиками, не исключает наличия монологических сюжетов, представляющих собой результат исследовательских обобщений не только, и не столько материалов Чтений. Многие ключевые разделы монографии базируются на многолетнем исследовании творчества Д.И. Лихачева, которое началось задолго до начала деятельности форума и независимо от его короткой формальной части [4: 17–31]. Кроме того, итоги осмысления такого центрального для мировоззрения XX века понятия, как культура, определяющего весь смысловой фон докладов, далеко выходят за рамки чисто культурологических аспектов процесса глобализации [4: 344–345].

Отмеченные особенности книги, обусловившие исключительное разнообразие обсуждаемых аспектов культурной динамики, вместе с тем многократно осложняют задачу написания даже полноценной рецензии, не говоря уже о небольшом отзыве в репликативной форме. В этой ситуации желание более или менее подробной оценки результатов анализа идей и выводов участников Чтений неизбежно наталкивается на тематические и предметные ограничения.

Главным критерием подобных ограничений для нас послужило предварительное знакомство с творчеством тех авторов докладов, ключевые идеи которых, посвященные смыслообразующим мировоззренческим доминантам, представлены в разделе 7 «Ресурсы гуманитарного знания в эпоху глобальных кризисов». Такой, как кажется на первый взгляд, субъективный выбор, компенсируется сравнением частных философско-мировоззренческих позиций ограниченного числа докладчиков с общей концепцией и методологией книги. Что же касается оценки других разделов монографии, то в силу содержащегося в них историологического, социально-экономического и политологического контекстов, они, вероятно, могут послужить в качестве предмета для отзывов заинтересованных в указанных областях современной социогуманитаристики.

ВОЛКОВ Ю. К. МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ОППОЗИЦИИ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ: РЕЦЕНЗИЯ-РЕПЛИКА НА РАЗДЕЛ КНИГИ А. С. ЗАПЕСОЦКОГО «СТАНОВЛЕНИЕ ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ И КОНФЛИКТЫ ЦИВИЛИЗАЦИЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ)» // Studia Humanitatis Borealis / Северные гуманитарные исследования. 2019. № 1. С. 58-64.

Базовым теоретическим пунктом интересующего нас раздела выступает второй параграф, в котором раскрывается смыслообразующая и логоцентристская по своей сути триединая миссия культурологического знания в глобальном мире: востребовать смыслы гуманитарной культуры; творить новые смыслы, направленные на восстановление единства культуры; создавать защитные и осмысленные культурные практики [4: 357].

Вместе с тем, как отмечает далее автор монографии, «в ситуации антропологического кризиса, разрушения национальных культур, технологической экспансии и перспектив уничтожения человека как антропо́са миссия гуманитариев и консервативно мыслящих элит состоит в борьбе за сохранение «человеческого» типа бытия» [4: 357]. При этом в качестве типичного примера, раскрывающего смысл и основное содержание «борьбы за человека», использована обширная цитата из доклада нижегородского философа В. А. Кутырева, позиционирующего себя в качестве антропоконсерватора, неометафизика и последовательного критика доктрины антиязыкового логоцетризма и цифрового меонизма [5: 161-172, 252-271].

К сожалению, искренняя и эмоциональная цитата из доклада В. А. Кутырева безо всяких заключительных комментариев завершает целый параграф раздела монографии, посвященный миссии культурологического знания. В то время как защищаемые профессором Кутыревым философско-мировоззренческие позиции носят, на наш взгляд, достаточно спорный, а в некотором смысле односторонний характер [2]. Что принципиальным образом противоречит антиметафизической методологии построения монографии в целом, ставящей перед гуманитариями, исследующими современные процессы взаимодействия культур, задачу поиска общего в мировоззренческих оппозициях глобального и локального, традиционного и современного, западного и восточного [4: 6].

Вместе с тем, наряду с указанной методологической ориентацией, представляющей собой «сократовский» вариант диалектического метода, целью которого выступает поиск изначально неизвестной и непредсказуемой сути реальных противоречий, в интересующем нас разделе книги также используется «гегелевский» вариант метода спецификации. Данная исследовательская позиция призвана логическим путем эксплицировать тот итоговый результат, который может быть определен заранее, благодаря стадии выделения внутренних противоречий, предшествующей их творческому синтезу.

С другой стороны, именно отрицательно-разумная сторона диалектики, фиксирующая базовые внутренние противоположности, в случае отказа от попыток их дальнейшего синтеза, может привести к методологическому скептицизму. Либо, напротив, воссоздать ситуацию гносеологического оптимизма, как это имеет место в случае замены внутренних противоположностей внешними различиями.

В этой связи в монографии указан альтернативный по отношению к западной аналитике методологический подход в понимании специфики культурных целостностей, сформировавшийся преимущественно в рамках отечественной антропологии и гуманитаристики [4: 348-349]. Хотя, как показывает стилистики любого, в том числе анализируемого научного текста, неметафизическое соединение данности и идеи, разума и чувства, если оно реализуется в дискурсивной форме, вынуждает использовать ту или иную логическую конструкцию.

Наиболее рельефно вторая разновидность диалектики на стадии выделения сущностных противоположностей, на наш взгляд, представлена в написанном совместно с профессором А. П. Марковым подразделе 7.3. «Смыслообразующие доминанты русской цивилизации», где рассмотрены основные оппозиционные концепции современной национальной и глобальной культуры.

Так, например, в рассуждениях о деградации смысловой сферы культуры явно присутствует критика доктрины культурного антропоцентризма в версиях натуралистического, позитивистского и прагматического проектов «нового язычника». Данный мировоззренческий проект оценивается как деструктивный фактор процесса смыслообразования, потеснивший противоположный ему классический образ духовно устремленного человека [4: 359]. Подобный тип мировосприятия, по мнению авторов подраздела, носит деморализующий характер и лишает человека смысла жизни, девальвирует такие базовые ценности, как труд, призвание, семья, любовь, счастье, порождает многовекторный мировоззренческий разрыв [4: 359].

Следует отметить, что антропологическая направленность культуры в ее утилитарном и неутилитарном, самодостаточном и производном контекстах, достаточно подробно анализируется в заключительном разделе книги [4: 347-349]. Однако противопоставление двух мировоззренческих проектов человека: классического и неоязыческого как основного мировоззренческого противоречия современной культуры, на наш взгляд, оставляет без внимания еще один фундаментальный проект нового человека, начатого в условиях построения социалистического общества.

Вместе с тем, как можно понять из краткого резюме абзаца, посвященного преемственности отечественной гуманитарной традиции, модель советского человека, видимо, следует отнести к разновидности классической, целостной и неутилитарной модели «человека разумного» [4: 348]. В отличие от такой неизменной для всей отечественной антропологии классической характеристики сущностных оснований человека, идеология человека нового мира, несмотря на различия ее трактовок в разные периоды построения социалистического общества, на наш взгляд, все же представляет собой самостоятельный типаж, отличный не только от западных, личностно-утилитарных проектов, но и российских, религиозно-неутилитарных концепций.

Как один из возможных путей преодоления мировоззренческого раскола в понимании подлинного образа человека, сложившегося в рамках христианской антропологии, а также античной и новоевропейской культуры, в книге предложена идея диалога науки и религии [4: 360]. К сожалению, эта, как представляется, плодотворная идея соединения различных и даже несовместимых сфер культуры не получила дальнейшего продолжения. В то время как антиинтеракционистская концепция независимого существования «двух мистерий», напротив, достаточно давно и активно используется сторонниками доктрины мировоззренческого параллелизма [8].

Трудность разрешения проблемы синтеза противоположностей науки и религии в рамках единой современной культуры, видимо, обусловлена их разноуровневым социальным статусом. С этой точки зрения наука представляет собой особый социальный институт, базирующийся на приоритете новационной, практически ориентированной деятельности. Тогда как религия, включая ее ритуальные и институциональные компоненты, принадлежит к сфере идеально-типических средств жизненных ориентаций, где главным имманентным противоречием выступают разные типы конфликтов между структурами жизненных отношений [1: 307].

Об этой стороне религиозного отношения к миру идет речь в представленной в качестве альтернативной гипотезы о кризисе светского гуманизма позиции еще одного нижегородского философа – А. Н. Фатенкова. Автор цитируемого доклада видит источник современного глобального кризиса не в господстве идеологии нового антропоцентризма, а во внутренних разборках и внешних противостояниях трех монотеистических религий откровения и их секулярных отложений [4: 360].

Итогом этого своеобразного неоконченного спора о характере отношений между научно-рациональным и религиозным видением мира, а в своем пределе между знанием и верой, является приведенная в книге цитата из доклада В. С. Степина о повышении значимости взаимодополнения науки и религии в условиях аномии норм европейской культуры [4: 360]. Хотя ответ на возникающий вопрос о том, как возможно на практике соединить научный и религиозный типы мировоззрения, не подкреплён конкретными историческими и современными примерами. В этой связи более последовательно с точки зрения выбора одной из альтернативных точек зрения выглядит представленное в книге понимание природы смысла.

Исходя из экзистенциально-сопереживающего и вместе с тем культуротворческого понимания смысла бытия, данный феномен трактуется как посредник между персонифицированной и ментально обусловленной системой жизненных ценностей и истиной, выходящей за пределы индивидуального бытия при помощи слова, символа, смыслообраза [4: 360–361]. Отсюда следует вывод о том, что утративший смысл жизни, но по-прежнему конструктивно настроенный человек, не случайно обращается к религии, где обретает высший смысл «в форме позитивного ответа на вопрос: в чем заключается смысл жизни и есть ли он вообще?» [4: 362].

Эта принципиальная мысль, обобщающая понимание сущности концепта смысла и всего процесса смыслополагания, разворачивается в совокупности их базовых характеристик: проблемной обусловленности; целостной, рационально-иррациональной природы; диалогичности, интерсубъективности и интенциональности [4: 362–365].

Безусловно, конфликтная природа смысла вообще, проявляющаяся в противоречивости рационального и иррационального, монологической однонаправленности и диалогической незавершенности представляют собой важный пласт характеристик анализируемого феномена. Однако, как показывает знакомство с историей категории смысла и ее современным пониманием [7: 125–158], главным противоречием интерсубъективного процесса смыслообразования, видимо, все же является синтаксическое по своей семиотической спецификации противоречие между объективным значением знаков и их субъективным смыслом, извлекаемым из других содержательно соотносимых значений.

Любые другие спецификации оппозиции обозначаемого и обозначающего (семантические, прагматические, эпистемические, метафизические, этические, эстетические и т.д.), в рамках которых обозначаемое и обозначающее утрачивают свою онтологическую нейтральность и наделяется

ВОЛКОВ Ю. К. МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ОППОЗИЦИИ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ: РЕЦЕНЗИЯ-РЕПЛИКА НА РАЗДЕЛ КНИГИ А. С. ЗАПЕСОЦКОГО «СТАНОВЛЕНИЕ ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ И КОНФЛИКТЫ ЦИВИЛИЗАЦИЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ)» // Studia Humanitatis Borealis / Северные гуманитарные исследования. 2019. № 1. С. 58-64.

~~различными оценочными характеристиками, вплоть до характеристики предустановленной~~ трансцендентальной полноты смысла, хранимого Богом или вещами [3: 846], неизбежно возвращают нас к проблеме идейно-смысловой иерархии «двух миров».

В отличие от инерсубъективного варианта понимания процесса и результата рождения смысла, представленная в книге концепция русской идеи опирается на объективистскую, надличностную и наднациональную трактовку данного культурно-исторического феномена, который, тем не менее, имеет явно выраженную национальную форму. Как констатируют авторы подраздела: «Базовой характеристикой русской идеи является ее наднациональный, универсалистский характер, который в существенной степени был определен православием как всемирной религией и возник на ментальной почве русского человека. Основу всемирной устремленности русской идеи определяет нравственная суть русской души» [4: 368].

Основами мировоззренческих ориентиров для построения национальной идеологии определены следующие идеологемы: вариант русской идеи «Москва – Третий Рим», реализуемой в качестве государственной и религиозной формы сохранения национальной самобытности; евразийская концепция русской цивилизации, где Россия выступает как духовный центр синтеза восточной и западной культур; мессианская парадигма России как всемирно-исторического лидера народов-изгоев (А. С. Панарин); адаптированный к современным реалиям проект «Россия как центр гармонии цивилизаций» (Л. Г. Ивашов и др.) [4: 369–372].

Все представленные в книге мировоззренческие ориентиры русской идеи, которые по замыслу авторов раздела могут выступать в качестве строительного материала для государственной идеологии и геополитических стратегий [4: 369], опираются на общие этические основания. Долговременность и константность последних призван обеспечить сверхрациональный и одновременно жизненно-утилитарный нравственный проект, исходящий из идеи безопасного существования и спасения всех, кто хочет сохранить свою душу в вечности [4: 374]. Аналогом такой душеспасительной и вместе с тем земной, национальной и общечеловеческой этики будущего должна составлять, этика сострадания и взаимной помощи, рельефнее всего сформулированная в творчестве Ф. М. Достоевского [4: 373–374].

Если попытаться продолжить дальше цепочку идей, положенных в основания предложенного проекта понимания особенностей русской национальной культуры, то окажется, что мировоззренческие ориентиры, базирующиеся на идеологии «деятельной любви», сочувствия и сострадания всем скорбящим, независимо от их моральной селекции, представляют собой тот вариант религиозного традиционализма, который в своих этико-философских основаниях опирается на метафизическое истолкование принципа абсолютности изначального добра, заложенного в человеке. Вместе с тем антроподицейный, безусловно, гуманистический и морально-утопический пафос, содержащийся в обширной цитате профессора О. С. Соиной [4: 374], косвенным образом призывает читателей хотя бы на время отказаться от поиска идейно-теоретических источников этики будущего и правилах ведения научных споров и задуматься о скрытом альтруистском начале человеческой природы.

В этих переходах от строгого научного дискурса к литературно-образному языку нравственных проповедей, в этом парадоксальном, но одновременно органичном соединении четких форм разума и разливающейся музыки чувств, собранных в многоцветную мозаику противоположных мнений при сохраняющейся идейной направленности общего замысла проекта, состоит одна из отличительных особенностей рецензируемого раздела книги, сумевшего передать особый творческий мир Лихачевских научных чтений.

1. Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем. М.: Прогресс, 1990. 808 с.

2. Волков Ю. К. О философских революциях, их идеологических последствиях и статусе философского знания (размышления над книгой В.А. Кутырева «Последнее целование. Человек как традиция») // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2017. №1(37). С. 45–55.

3. Грицанов А.А., Можейко М.А. Постмодернизм. Энциклопедия. Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. 1040 с.

4. Запесоцкий А.С. Становление глобальной культуры и конфликты цивилизаций (По материалам Международных Лихачевских научных чтений). СПб.: СПбГУП, 2018. 608 с.

5. Кутырев В.А. Сова Минервы вылетает в сумерки (Избранные философские тексты XXI века). СПб.: Алетейя, 2018. 526 с.

ВОЛКОВ Ю. К. МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ОППОЗИЦИИ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ: РЕЦЕНЗИЯ-РЕПЛИКА НА РАЗДЕЛ КНИГИ А. С. ЗАПЕСОЦКОГО «СТАНОВЛЕНИЕ ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ И КОНФЛИКТЫ ЦИВИЛИЗАЦИЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ)» // *Studia Humanitatis Borealis / Северные гуманитарные исследования*. 2019. № 1. С. 58–64.

~~6. Чалова О.Н. Коммуникативные реакции на безоценочные реплики в научной дискуссии // Вестник Мазырскага дзяржаўнага педагогічнага ўніверсітэта імя І.П. Шамякіна. Філалагічныя навукі. 2011. №3 (32). С. 163–167.~~

7. Эпистемология сегодня. Идеи, проблемы, дискуссии: монография / Под ред. И. Т. Касавина и Н. Н. Ворониной. Н. Новгород.: Изд-во Нижегородского университета, 2018. 413 с.

8. Gould S.J. *Rocks of Ages: Science and Religion in the Fullness of Life*. N. Y.: Ballantine Books, 1999. 256 p.

References

1. Weber M. *Izbrannye proizvedeniya*: Per. s nem. Moscow, 1990. 808 p. (In Russ.)

2. Volkov Yu.K. O filosofskih revolyuciayah, ih ideologicheskikh posledstviyah i statuse filosofskogo znaniya (razmyshleniya nad knigoy V.A. Kutyreva «Poslednee celovanie. Chelovek kak tradiciya») // *Gumanitarij: aktual'nye problemy gumanitarnoj nauki i obrazovaniya* [Scientific humanitarian journal]. 2017. No 1(37). P. 45–55. (In Russ.)

3. Gricanov A.A., Mozhejko M.A. *Postmodernizm. Enciklopediya*. Minsk, 2001. 1040 p. (In Russ.)

4. Zapesockij A.S. *Stanovlenie global'noj kul'tury i konflikty civilizacij* (Po materialam Mezhdunarodnyh Lihachevskih nauchnyh chtenij). Saint Petesrburg, 2018. 608 p. (In Russ.)

5. Kutyrev V.A. *Sova Minervy vyletaet v sumerki* (Izbrannye filosofskie teksty XXI veka). Saint Petersburg, 2018. 526 p. (In Russ.)

6. Chalova O.N. Kommunikativnye reakcii na bezocenochnye repliki v nauchnoj diskussii // *Vestnik Mazyrskaga dzyarzhajhnaga pedagogichnaga ŷniversiteta imya I.P. Shamyakina* [University scientific journal]. *Filalagichnyya navuki*. 2011. No 3 (32). P.163-167. (In Russ.)

7. *Epistemologiya segodnya. Idei, problemy, diskussii: monografiya*. N. Novgorod, 2018. 413 p. (In Russ.)

8. Gould S.J. *Rocks of Ages: Science and Religion in the Fullness of Life*. N. Y.: Ballantine Books, 1999. 256 p.

IDEOLOGICAL OPPOSITION OF MODERN CULTURE: REVIEW-REPLIC ON THE SECTION OF THE BOOK A.S. ZAPESOTSKY «FORMATION OF A GLOBAL CULTURE AND CONFLICTS OF CIVILIZATIONS (BASED ON THE INTERNATIONAL LIHACHEVSKY SCIENTIFIC READINGS)»

**VOLKOV
YURI**

*Doctor of Philosophy,
Professor,
Nizhny Novgorod National Research State University
named after N. I. Lobachevsky, Arzamas branch, Faculty
of Economics and Law, Department of Law, Philosophy
and Social Disciplines,
Arzamas, Russian Federation, yu.k.volkov@yandex.ru*

Keywords:

review-replica
ideological opposition
anti-metaphysical methodology
human projects
dialogue of science and religion
the nature of meaning
Russian idea

Summary:

The final section of A. S. Zapesotsky's monograph «Formation of global culture and conflicts of civilizations (based on the materials of international Likhachev scientific readings)» in the genre of replica is reviewed. The main purpose of the presented recall is the analysis of opposite in its ideological orientation philosophical and ideological positions of the participants of the Readings in their comparison with the general concept and methodology of the monograph. At the same time, all the critically analyzed ideological attitudes of the authors of the reports are considered from the point of view of their compliance with the anti-metaphysical methodology of building the book which sets the task of finding common in the ideological oppositions. It is suggested that the book under review uses two variants of the dialectical method – «Socratic» which aimed at finding the initially unknown essence of real contradictions and «Hegelian» which designed to synthesize the selected logical way the final result. It is shown that the second kind of dialectics is more relief presented in subsection 7.3. «Sense-forming dominants of the Russian civilization» where the some main ideological orientations of the globalisation national culture are considered. Among them is the opposition of two ideological projects of man: classical and neo-pagan, the idea of dialogue between science and religion, existential and cultural understanding of the nature of sense. It is noted that the worldview guidelines of the Russian idea presented in the book which can act as a building material for the state ideology and geopolitical strategies first of al, take into account its national specifics. In this regard the book indicates the general principles of national and at the same time global ethics of the future most prominently formulated in the creation of F. M. Dostoevsky. The general conclusion of the remark: in the combination of different worldview and stylistic positions, but with the mandatory preservation of the with the remaining ideological orientation of the overall design of the project it is one of the distinctive features of the reviewed section of the book which managed to convey a special creative world of Likhachev's scientific readings.